

рецензии

русская проза

Осколки 1970-х

Данила Давыдов

«Я не писал антиутопию...»

При поддержке Министерства печати «КО» продолжает готовить разнообразные программы на нескольких радиостанциях. На «Радио России» в одноименной нашей газете передаче Александр ГАВРИЛОВ встретился с писателем Виктором СТРОГАЛЬЩИКОВЫМ.

— Вы писатель подчеркнута немосковский. Герои живут в Тюмени, и вы в Тюмени занимаете довольно значительное политическое положение...

— Я бы так впрямую говорить не стал... Но человек, который занимался журналистикой в этом городе более 30 лет и профессионально интересовался — особенно в последние 10–15 лет — властью и фигурами у власти, приобретает некоторое влияние. Во всяком случае, мнение мое некоторым политикам небезынтересно. Но когда меня называют «серым кардиналом» — это преувеличение.

— Сейчас много говорят об эволюции романа в сторону маленького, европейского, а у вас такой эпический размах... Разве такая эпичность не противоположна журналисту?

— Очевидно, я с годами победил в себе журналиста. Я в писательство ушел потому, что в рамках журналистики, которую надо кормить собой каждый день, мне стало и тесно, и отчасти неуютно. Но в писательство пришел случайно. Я работал пресс-секретарем только что созданной Тюменской нефтяной компании — не поверите, но тогда в ТНК денег не было, какие-то мелкие копейки. Прошло примерно полгода, и вдруг меня приглашают в кассу и дают мешок денег. Я буквально в тот же день подал заявление об увольнении, пришел домой, отдал этот мешок жене и сказал: «Полгода я не писал, а теперь...»

писательства! Писатель должен был поработать у станка, в дальнейшем плавание сходить... То, что «Слои» — очень достоверная литература, то, что «Край» — вещь вполне фантастическая, но убедительная, — связано ли это напрямую с накопленным опытом?

— Конечно. Быть «в материале» — это очень важно. Я и первую-то книгу сел писать из чувства противоречия. Все, что я читал в середине 90-х о тогдашнем времени — про бизнес, про власть, про деньги, про журналистику, — меня страшно бесило. Все было не так. Люди не так говорят, не так пьют водку, они даже обманывают друг друга не так и уж совсем не так дружат. Люди писали о том, чего в принципе не знали. И это чувство: «Возьму и напишу, как оно на само деле было» — меня очень сильно гнало.

— Жанр романа «Край» можно определить как «фантастика-предупреждение»... Книга о недалеком будущем Сибири, которая со всех сторон окружена врагами и конфликтами, внутри нее действуют партизаны, в нее введены войска ООН... Как появилась эта идея?

— Отчасти случайно. Я вдруг вспомнил, что южная граница со, скажем так, неправославным миром проходит всего в 250 километрах южнее Тюмени. И у меня шелкнуло в голове: а что, если все это взять и придвинуть вот сюда — что из этого может получиться?

Отчасти я хотел отдать некую дань армии, вернувшись

Коллекция:
Петербургская проза
(Ленинградский период).
1970-е.

СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2003.
— 576 с. 2000 экз. (о) ISBN 5-89059-044-8

Вторая книга в рамках амбициозного проекта, курируемого Б.И. Ивановым, — трехтомника неподцензурной петербургской прозы позднесоветской эпохи, посвящен семидесятым годам минувшего века. Предисловие Михаила Берга написано в присущей этому автору манере расслабленного социологизирования и, увы, дает о представленных в антологии авторах меньшее представление, нежели хотелось бы.

Если шестидесятые, увиденные нами в зеркале петербургской прозы, оказались неожиданно экзистенциалистской эпохой, то семидесятые, этот период безвременья (сколь не затаскан этот оксюморон), в том же зеркале предстают превосходным материа-

лом для шизоанализа. Есть ощущение, что в эти годы был утрачен некоторый интуитивный «метод» письма, что и породило «художественные поиски».

Не хотелось бы, чтобы мои слова воспринимались как негативная реакция на рецензируемую книгу. Напротив: книга безоговорочно хороша. Просто, вероятно, именно в семидесятые концепт «петербургскости», этакой самоистийности «города на Неве» окончательно обрел форму, затвердел, стал тяжелым и давящим.

Впрочем, это традиционное московское брюзжание на Петербург не мешает делать приятные открытия. Авангардное почвенничество Василия Аксенова (не того!), хиппово-битнический стёб Владимира Лапенкова, некропсиходелика Александра Петрякова, постсюрреализм Бориса Кудрякова и Ильи Беляева — все это не только впечатляет, но и должно быть учтено всяким, кто осмеливается говорить о новейшей истории русской прозы (кстати, общезвестный Андрей Битов, также представленный в книге, выглядит не слишком убедительным на фоне менее известных «широкому читательскому кругу» авторов).

Обнаруживаются и продолжатели экзистенциалистской линии: Белла Улановская в повести «Путешествие в Кашгар», Александр Морев в рассказе.

Редкий в русской литературе образец невымученной притчи находим у Тамары Корвин: ее повесть «Крысо-

лов», построенная на основе бродячего сюжета, относится к неочевидной, но важной традиции повествований о Музыканте как протагонисте, покорителе мира — и одновременно его жертве (в новой русской прозе о том же писали Борис Фальков, Феликс Розинер, Владимир Орлов, Леонид Гиршович — каждый по-своему, разумеется). Борис Дышленко в повести «Пять углов» придает теме «маленького человека» абсурдистский оттенок, выдерживая при этом ровную, лишенную авангардистской истеричности интонацию. Наконец, повесть «Карлик и Илларион» Владимира Губина (одного из участников легендарной группы «Горожане»), невероятно изысканная ритмическая проза, вполне может быть сопоставлена с текстами Саши Соколова и, кажется, просто обязана быть включенной во все курсы русской литературы XX века.

Труд издателей классиков петербургской прозы позднесоветского периода должен быть завершен книгой, посвященной 1980-м годам, выхода которой остается с нетерпением ждать; когда она выйдет, можно будет дать общую оценку проекту, пока что кажущемуся образцовым.

Традиции неподцензурной словесности живы. Одно из доказательств этого — выпущенный издательством «Контекст» сборник «Поробрик» (что означает «бордюры» — очередной пример питерской «самостийности»). «КО» коротко писало о нем в № 47. В отли-

чие от предыдущей книги, это — не антология, а, так сказать, «ординарная» публикация, поэтому наряду с качественными текстами в ней должны присутствовать и, так сказать, некачественные. Это и наблюдается: кунштюки Анатолия Бузулукского носят характер такого интеллигентского самодонса, виляния хвостиком перед метафизической мощью власти и народа. Почему-то у Павла Крусанова схожий пафос кажется более эстетически осмысленным: в сборнике две главы из романа про Сергея Курехина, который не умер, а вполне себе живет под другим именем и хочет погубить Америку (впрочем, дождемся романа в полном объеме).

Наль Подольский («Успех игры» — кажется, текст, который много раз читал у разных других авторов) и Сергей Носов («Икра морских ежей», ироническо-психологический этюд из перестроечных времен) несколько разочаровывают. Напротив, хороши рассказы Дмитрия Григорьева (особенно полумистический текст «Имена»), Николая Федорова («Скаут-мастер», весьма радикальная филиппика, но при этом изощренная в сторону литпроцесса), Сергея Коровина («Главное убить», жесткий городской сказ с неожиданным финалом).

Двухтысячные годы, кажется, чем-то похожи на семидесятые, — вероятно, разностилем, разрозненностью процесса. Две столь непохожие петербургские книги в этом неожиданно схожи.